

многочисленные роды и племена, которые определили появление устойчивых этнонимов и специфических форм тагг, передали их своим наследникам.

Представленные лингвистические и изобразительные материалы, изученные и собранные автором, ждут дальнейшего углубленного сопоставления с историческими, археологическими, антропологическими и другими источниками. Необходим комплексный анализ данных не только филологов, но и специалистов в области всех исторических дисциплин, касающихся прежде всего ранней истории ногайцев. Этногенетические связи – это не просто взаимовлияние в языке и материальной культуре, они подразумевают также смешение и ассимиляцию. В этой связи требуют детального учета все факты проявления влияния на ногайцев нетюркских родов, племен и народов (например, в XVII–XIX вв.). Этногенетические связи ногайцев с другими народами наиболее полно прослеживаются со времени распространения этнонима «ногайцы», т.е. с тех пор, когда они обрели, наконец, свое историческое лицо. Изучение этнических корней ногайцев, на что и нацелена работа Р.Х. Керейтова, – все еще не решенная современной исторической наукой проблема. И если ареал этногенеза ногайцев включает не только территорию Азии, но и Северного Кавказа, а период формирования ногайского этноса относится, скорее всего, к XIII–XVII вв., продолжаясь вплоть до XIX в., то для золотоордынской эпохи речь может идти об этногенетических связях различных тюркских и нетюркских племен.

Особо подчеркнем не только научный, но и просветительский и воспитательный потенциал, содержащийся в монографии Р.Х. Керейтова. Современные ногайцы (особенно учащаяся молодежь) получили своего рода справочник, позволяющий ориентироваться в том, как происходил процесс всестороннего изучения этого народа сообществом специалистов многонациональной России, воспитавшей первые поколения собственно ногайских ученых. Трогательно выглядит высказанная в книге благодарность автора «ныне живущим и уже покойным» информаторам – «старикам, понявшим меня и оказавшим помощь». Первые среди них – отец и мать Р.Х. Керейтова, памяти которых он и посвятил свой труд.

Разумеется, работа не лишена частных упущений и недостатков. В их числе – недостаточное внимание к соотносительности средневекового тюркского мира кочевников с предшествующим ираноязычным (скифо-сарматским). Учитывая неоднократное упоминание на страницах книги гуннов, несколько странным представляется ограничение нижнего рубежа авторских изысканий VI в. н.э. Вряд ли корректно использование терминов и понятий «колониальная политика России», «Республика Чечня-Ичкерия» и т.п. Если принять во внимание многочисленные случаи слияния внутри формирующегося ногайского этноса родов, племен и групп разных «тюркских корней», непонятно, почему автор считает «примером трагической судьбы ногайского народа» (с. 86) то, что какая-то часть его «растворилась» в среде казахов Младшего жуза. Однако указанные недочеты не могут изменить общей высокой оценки работы.

Монография Р.Х. Керейтова – весомый вклад в ногаеведение и в историческую науку в целом. Она еще раз указывает на значимость комплексного изучения прошлого любого народа. Неоценимы добытые автором турецкие материалы, его скрупулезные полевые сборы, четко мотивированные выводы. Значимость рецензируемого труда и в том, что этническая история ногайцев отражена в нем с позиции этнографа и филолога, использующего различные методы исследования для показа ногайцев в глубокой ретроспективе.

С.И. Алиева, В.Б. Виноградов

© 2001 г., ЭО, № 3

М.Ф. Куряева. Верхнекубанские казаки: быт, культура, традиции. Черкесск, 1999. 278 с.

Начавшийся в конце 80-х годов XX в. процесс возрождения казачества во многом способствовал изучению этого феномена. На многочисленных конференциях, посвященных казачеству (например, Нальчик-1990, Краснодар-1992, Кизляр-1993, Новочеркасск-1994, Ростов-на-Дону-1995, Армавир-1996, Санкт-Петербург-1999 и др.), выступали историки, социологи, экономисты, культурологи. И хотя в литературе последних лет казаки понимаются как субэтнос, однако этнографы не нашли им места в своих классификациях.

Казаки отдельных регионов (Дон, Кубань, Терек) в культурно-бытовом отношении имеют ряд особенностей, которые до сих пор недостаточно определены, хотя у этих групп населения сохраняются и общие культурные черты.

Кроме того, споры о происхождении казачества, его сословной или несословной природе, имеющие в части современной историографии явный политический контекст, отодвинули в сторону проблемы его духовной культуры. Отметим, что и в дореволюционной литературе они не стояли на первом месте: воссоздавалась прежде всего политическая, военная история казачества, отмечались его заслуги в освоении новых территорий. Таким образом, изучение своеобразного и богатого культурного наследия казаков – одна из назревших и актуальных задач этнографии.

Отмеченный пробел отчасти восполняет книга М.Ф. Куракеевой «Верхнекубанские казаки: быт, культура, традиции», вышедшая в Черкесске в 1999 г. под редакцией и с предисловием видного кавказоведа В.Б. Виноградова. Автор монографии – этнограф, заведующая отделом истории и культуры казачества Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований, воссоздает значительный пласт духовной культуры потомков донцов и запорожцев, волею обстоятельств оказавшихся в верховьях Кубани и Зеленчуков.

Краткий историографический очерк, представленный во введении, продолжает глава, посвященная формированию верхнекубанского казачества. Подробно прослеживается процесс заселения Закубанья, в котором заметная роль принадлежала государству, на службе у которого уже в конце XVIII в. были основные группы российского казачества. Именно оно решало, где казакам проживать, какую службу нести. Автор воссоздает сложную военно-политическую обстановку на Кубани в первой половине XIX в. и связанный с ней военизированный быт переселенцев. Глава базируется в основном на архивных материалах и содержит ценные сведения (в том числе и обобщенные в таблицах) о народонаселении Закубанья как по отдельным станицам, так и в целом. М.Ф. Куракеева рассматривает административно-территориальные преобразования в верховьях Кубани в XIX–XX вв., наложившие отпечаток на взаимоотношения казаков и горцев. По мнению автора, к началу XX в. верхнекубанские казаки представляли собой вполне сложившуюся локальную этнографическую группу кубанских казаков, имевших двойственную природу: с одной стороны – субэтнос, с другой – военнотрудовое сословие (с. 50–51).

Большой интерес представляет материал по общественным отношениям верхнекубанских казаков, представленный в гл. II. Автор характеризует компетенцию и роль станичных правлений, круга, атамана, суда. На наш взгляд, несколько преувеличена автономность, независимость указанных органов от государственной власти (с. 56). Как свидетельствуют факты (с. 60, 61, 63 и др.), в XIX в. права и обязанности местного самоуправления были достаточно четко определены в законах и максимально приближались к самоуправлению, существовавшему в крестьянских общинах России. Другое дело, что центральная власть учитывала особенности общественных отношений у разных этносов и субэтносов. Прав ростовский историк В.А. Матвеев, когда утверждает, что российская государственность формировалась при тесном взаимодействии общеперского и региональных начал.

Глава III посвящена рассмотрению хозяйственной деятельности верхнекубанских казаков. Автор анализирует формы землевладения и землепользования, существовавшие главным образом в пореформенный период, показывает, каких размеров достигло социальное расслоение в казачьей среде. Этот процесс был санкционирован государственными законодательными актами, закреплявшими за казаками разные по размерам земельные наделы (в зависимости от служебно-должностного положения). Правительственными распоряжениями определялся и рост невоисковых земельных наделов, особенно после реформы 1861 г.

Автор справедливо подчеркивает, что лишь к концу XIX в. земледелие стало основой экономической жизни казаков (с. 100). Причины этого усматриваются в нехватке рабочих рук, вызванной особенностями казачьей службы, в низкой культуре земледелия. К отмеченному, на наш взгляд, следует добавить и то, что существовавший у казаков в так называемый вольный период своеобразный военно-промысловый хозяйственно-культурный тип (ХКТ) не был изжит и в XIX в. Лишь после «замирения» края и роста спроса на хлеб земледелие благодаря природно-климатическим условиям, помощи войсковых структур и т.д. постепенно стало ведущим занятием верхнекубанцев.

Как свидетельствуют приведенные статистические данные, наибольший рост сбора зерновых происходил в начале XX в. (с. 112). Автор характеризует основные орудия труда, систему земледелия казаков, сообщает сведения о развитии огородничества, садоводства (последние не имели товарного значения и обеспечивали лишь домашние нужды).

М.Ф. Куракеева анализирует основные этапы развития коневодства на Кубани (от общественного

табунного до частного), большое внимание уделяя и другим отраслям животноводства, долгое время являвшегося основным занятием казаков.

Освоение Закубанья казаками способствовало развитию в регионе обмена и торговли. Автор называет основные товары, служившие средством обмена между казаками и горцами на многочисленных и многолюдных ярмарках. Появление и рост ярмарок тем не менее не вызвали профессионализации этого вида деятельности среди казаков. Торговля по-прежнему считалась непрестижной, и из казаков ею постоянно занимались лишь единицы (с. 118).

То же относилось и к ремеслу. По данным автора, большая часть кустарных, мануфактурных производств в пореформенный период была представлена маслобоянями, мельницами, кузницами и т.п., причем важную роль в их развитии играло «пришлой» население.

Самостоятельную ценность представляет гл. IV, характеризующая семью и семейную обрядность. На основе обширных полевых материалов автор показывает, что семейный быт казаков формировался под влиянием исторических условий, хозяйственного уклада, общественных отношений (с. 137). Патриархальный быт не противоречил высокому положению женщины-казачки, которая играла ведущую роль в хозяйстве, воспитании детей и др. Глава имеет традиционные разделы, связанные со свадебным, детским, похоронно-поминальным циклами.

Характеристика первого цикла начинается с описания выбора жениха и невесты, сватовства. Красочно описана казачья свадьба XIX – начала XX в. К сожалению, и автор это констатирует, многие элементы духовной культуры казачества к настоящему времени утрачены и их освещение в книге придает сведениям автора особую значимость.

М.Ф. Куракеева рассматривает свадебные персонажи (*дружко, свашка* и др.) и их роль в свадьбе и жизни молодых, обращает внимание на особенности костюмов новобрачных, на свадебную пищу. По ходу изложения даны тексты частушек и лирических песен, сопровождавших появление сватов, продажу невестинной косы, встречу молодых после венца.

В свадебной и послесвадебной обрядности автор выделяет группы разновременных религиозно-православных и магических обрядов. Одни из них были призваны оберегать молодых от нечистой силы (иголки в платье невесты, стрельба из ружей, звон колокольчиков), другие имели символическое значение, пожелания богатства и благополучия (осыпание молодых хмелем, конфетами, монетами, выпечка к свадьбе специального каравая).

Родильная обрядность казаков, по мнению автора, сочетала как вполне рациональные, так и магические приемы. Все они должны были способствовать появлению здорового ребенка. В казачьих семьях особенно радовались появлению мальчиков. Автор подробно описывает обряды крещения и имянаречения, характеризует роль крестных родителей, которые не только крестили ребенка, но и в дальнейшем участвовали в его воспитании, оказывали материальную и моральную помощь. Основной задачей народной педагогики было формирование в детях трудолюбия, ответственности, терпения и других качеств. Говоря об особенностях обрядов, связанных с рождением и воспитанием детей, автор справедливо отмечает широкое бытование магических приемов, оберегов, призванных оградить ребенка от болезней и злых сил, обеспечить его счастливое будущее.

Похоронно-поминальный цикл включает представления казаков о смерти, обычая, связанные с больными и умирающими, похоронами и поминками.

Следует отметить, что автор не замыкается в чисто кубанской казачьей тематике, а приводит параллели с донцами и терцами, русскими и украинцами, а также с соседними народами (абазинами, карачаевцами, черкесами, ногайцами). Это позволяет определить общее и особенное, выявить оригинальные черты духовной культуры и заимствования. Однако сравнительный материал зачастую остается без трактовки (сходные обычаи называются, но не поясняются, чем они вызваны – с. 219).

Глава V посвящена праздникам и календарной обрядности верхнекубанцев. Автор выделяет осенне-зимнюю и весенне-летнюю календарную обрядность и подробно описывает празднование казаками Покрова Пресвятой Богородицы, Рождества, Масленицы и др., сообщает записанные в станицах обрядовые песни, приметы, ритуалы. Следует отметить, что по аналитическому уровню этот раздел значительно уступает предыдущему.

Заключительная гл. VI содержит сведения о развитии образования и просвещения в казачьих станицах в дореволюционный период. М.Ф. Куракеева характеризует процесс обучения в различных учебных заведениях (полковых, станичных и др.), где много времени отводилось физической подготовке подрастающего поколения, но вместе с тем большое внимание уделялось и духовному развитию, воспитанию патриотизма,

чувства долга. Автор рассматривает широкий круг вопросов, связанных с образовательными заведениями (от их материальной базы до преподаваемых дисциплин) и отнюдь не преувеличивает имевшиеся в этой области достижения, поскольку уровень грамотности казаков оставался крайне низким (с. 271). Глава не носит этнографического характера, поскольку не показывает, как влияли светская и духовная школы на быт и культуру казаков.

Первая сводная работа, посвященная верхнекубанскому казачеству, охватила далеко не все стороны его жизни и быта, но тем не менее представляет несомненный интерес. В книге аккумулирован значительный фонд архивных и полевых источников, что может служить базой для новых исследований. М.Ф. Куракеева показала, что культура верхнекубанского казачества формировалась при взаимодействии русских и украинских традиций, поскольку предки данной группы казаков были выходцами из русско-украинского пограничья (не отрицается некоторое влияние и местной горской среды). Автор проследила влияние военизированного быта практически на все стороны хозяйственной и духовной жизни казаков, выявила весьма архаичные верования и обряды, характерные только для населения верхнекубанских станиц.

Дальнейшая работа в этом направлении поможет окончательно определить, являются ли верхнекубанские казаки локальной этнографической группой кубанских казаков или это лишь отражение подхода, при котором казачество изучается в современных (или недавних) административных границах краев и республик, на основании чего и происходит выделение локальных групп или, наоборот, их объединение.

Н.Н. Великая

© 2001 г., ЭО, № 3

Л.И. Никонова. Традиционная медицина финно-угорских народов Поволжья и Приуралья как часть системы жизнеобеспечения. Саранск, 2000. 177 с.

В последние годы стало уделяться достаточно много внимания изучению традиционной народной медицины. В одних случаях она является самостоятельным предметом исследования, в других – дополнением при характеристике традиционной медицинской культуры этноса, рассматриваемой в качестве одного из механизмов адаптации человека к среде обитания и одной из составных частей системы жизнеобеспечения этноса. Без комплексного изучения этой системы воссоздание характерного облика этнической общности было бы весьма ущербным.

Народная медицина представляет собой один из важнейших компонентов народных знаний. Она – неотъемлемая часть духовной и материальной культуры и занимает в ней достойное место. В последнее десятилетие практическая значимость научного изучения и объективной оценки традиционной медицины особенно актуализировалась, что связано с рядом причин (подорожанием лекарств, общим загрязнением окружающей среды, большим числом аллергических заболеваний вследствие употребления лекарственных средств химического происхождения, интересом населения к природным средствам лечения и др.). Но в то же время исследователи этой области знаний поставлены в очень сложное положение: становится все сложнее получить истинные народные знания по медицине отдельных народов, так как издаваемая в настоящее время литература по данной тематике, особенно по траволечению, далеко не всегда отвечает даже самым элементарным этическим требованиям: в подавляющем большинстве случаев не указано, в какой местности, среди какого населения использовались эти методы, способы лечения, изготовления лекарственных средств. Значительная часть имеющихся публикаций далека от научности и представляет собой лишь коммерческий интерес для издателей.

Л.И. Никонова кроме рецензируемой опубликовала по этой тематике уже две книги: «Тайны мордовского целительства» (Саранск, 1995. 169 с.) и «Традиционная медицина тюркских народов Поволжья и Приуралья как часть системы их жизнеобеспечения» (Саранск, 2000. 162 с. + илл.). Актуальность последней работы Л.И. Никоновой заключается в том, что в ней впервые систематизированы сведения по народной медицине финно-угорских народов Поволжья и Приуралья – коми, марийцев, мордвы, удмуртов, а сама народная медицина рассматривается как часть системы их жизнеобеспечения. Ученая систематизировала не только печатные источники по данной теме, но и собрала и классифицировала уникальный полевой мате-